

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023030045

EDN: HAUWAI

Индо-Пацифика во внешнеполитическом планировании США

В.Е. Болдырев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Российская Федерация, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89.

РИИЦ ID: 627126

ORCID: 0000-0002-2354-8197

E-mail: boldyrev89@list.ru

Резюме: В статье на основе официальных документов проводится реконструкция внешнеполитического плана администрации Джозефа Байдена в отношении Индо-Тихоокеанского региона. Сам регион рассматривается в качестве объективно формирующегося пространства на основе не зависящих от человеческой интерпретации факторов. Выявлено, что США не рассматривают это пространство единым и нацелены на его фрагментацию в соответствии со своими политическими целями, вводят политически мотивированную четырёхзвенную структуру региона, нацелены на сдерживание как оппонентов в лице Китая, России и КНДР, так и союзников и партнёров, стремятся настроить региональную архитектуру в виде сети партнёрств, ориентированных на США.

Ключевые слова: США, Индо-Тихоокеанский регион, внешняя политика, планирование, Индийский океан, Тихий океан, Китай

Для цитирования: Болдырев В.Е. Индо-Пацифика во внешнеполитическом планировании США. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (3): 47–62. DOI: 10.31857/S2686673023030045 EDN: HAUWAI

The Indo-Pacific in US Foreign Policy Planning

Vitalii E. Boldyrev

Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of Far East,

Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences.

89, Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russian Federation.

РИИЦ ID: 627126

ORCID: 0000-0002-2354-8197

E-mail: boldyrev89@list.ru

Abstract: The paper is devoted to reconstruction of Joseph Biden's Indo-Pacific policy planning based on official documents. The region is understood as an objectively forming space based on factors independent of human interpretation. It is revealed that the US government doesn't consider this space as common and aims to divide it into subregions according to its political interests. The US government introduces a four-element structure of the region, which has a purpose to contain both opponents (China, Russia, DPRK) and allies and partners. Also, it strives to adjust the regional architecture as a network of partnerships oriented towards the USA.

Keywords: USA, the Indo-Pacific, foreign policy, planning, Indian Ocean, Pacific Ocean, China

For citation: Boldyrev, V.E. The Indo-Pacific in US Foreign Policy Planning. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (3):47-62.

DOI: 10.31857/S2686673023030045 EDN: HAUWAI

ВВЕДЕНИЕ

Исследователи современной внешней политики США в АТР и ИТР, сходятся в том, что её характеризуют следующие параметры: нестабильность, постоянная изменчивость, высокая зависимость от внутренней политической конъюнктуры [Vijayalakshmi K.P., 2018]; [Banerjee S., 2020]; [Nye J.S., Jr., 2022]; [Friedman J.A., 2022]. Эволюция американской политики в отношении индо-тихоокеанского пространства после холодной войны последовательно прошла следующие этапы: глобальная политика унилатерализма (1991–2001), борьба с терроризмом (2001–2008), политика кардинального поворота – перебалансирования (2009–2016), стратегия двусторонних взаимодействий и соперничества (2017–2020), современный курс (2021 – н.в.).

Тот факт, что почти все рубежные даты совпали со сменой правительств в Вашингтоне, указывает на высокую зависимость курса от внутренних факторов, в том числе и от особенностей внешнеполитического планирования, присущих конкретной администрации. Как представляется, оно постоянно связано, как минимум, с двумя аспектами: особенностями мировидения, которое сформировано под влиянием национальных и групповых интересов, прошлого опыта, а также специфики организации процесса принятия решений (ППР) при конкретной администрации.

Геополитической особенностью внешней политики Соединённых Штатов Америки последних пяти лет стало упоминание Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), которое постепенно вытеснило из лексикона привычный термин Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

Представляется, что корректно говорить о двух аспектах этого понятия. С одной стороны, Индо-Пацифика имеет под собой объективное физико-географическое основание в виде двух океанов, островов, примыкающих к ним побережий. Другим объективным аспектом возникновения региона являются исторически сложившиеся связи стран Восточной Азии и Индийского океана. Традиционно их соединяют два пути: морской, связывающий литорали Восточной Азии, Индии, Ближнего Востока и Африки, и континентальный, пролегающий через Китай, страны Центральной Азии, глубинные районы Ближнего Востока. Третий, и, пожалуй, самый важный для Вашингтона аспект заключается в непосредственном географическом присутствии на Тихом океане США, как одной из ведущих держав мира. С другой стороны, анализ стратегий ведущих глобальных и региональных игроков свидетельствует, что интерпретация Индо-

Пацифики, как правило, не совпадает с объективными границами региона, хотя они и подразумеваются. В стратегиях представлены не только разные географическое определение и структура региона, но и разная трактовка проблем его развития, их взаимосвязей [1; 2; 3].

В связи с существованием неразрывной дихотомии объективного и субъективного начал в планировании и реализации индо-тихоокеанских политик при анализе места и роли ИТР в стратегическом планировании США мы исходим из того, что Индо-Пацифика объективно существует. Ей соответствуют пространства Индийского и всех частей Тихого океана, кроме юго-восточной. В свою очередь, правительство США предлагает собственную политически мотивированную интерпретацию индо-тихоокеанского пространства.

Соответственно, целью статьи является выявление базовых элементов политики США в отношении ИТР, возникших в рамках внешнеполитического планирования при администрации президента Дж. Байдена. Цели соответствуют задачи проследить эволюцию ключевых особенностей политики США в отношении ИТР, оценить перспективы повестки курса с учётом особенностей организации процесса принятия решений (ППР) при Дж. Байдене, уточнить базовые характеристики мировидения с помощью сравнительного анализа, реконструировать видение Индо-Пацифики, возникшее в рамках текущего внешнеполитического планирования США.

ТИХООКЕАНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОЛИТИКЕ США В XXI ВЕКЕ

Переломным в американской политике в отношении стран Тихого океана стал рубеж 2000-х – 2010-х годов. В 2008 г. президент Дж. Буш-младший, осознав чрезмерность акцента на борьбе с терроризмом, принял решение о присоединении США к инициативе Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), что означало поворот ключевого внешнеполитического интереса в сторону АТР. В этом контексте новому правительству, которое возглавил Б. Обама, пришлось столкнуться с острой и широкомасштабной дискуссией о ведении отношений с КНР.

Во-первых, по воспоминаниям К. Кэмпбелла, помощника государственного секретаря по делам Азии и Тихого океана, не было единства в экспертном сообществе, на которое ориентировались чиновники, принимавшие решения. Выделялось три наиболее влиятельные школы: школа «Китай прежде всего», чьи представители настаивали на том, чтобы в центре азиатско-тихоокеанской политики США была КНР, сторонники школы двусторонних альянсов настаивали на том, чтобы в отношении Китая при активном американском участии была построена сеть отношений, сдерживающих его лидерские амбиции и вовлекающих его в свою структуру, и школа китайской угрозы, ориентированная на построение сетей сдерживания Китая в регионе [4, 147-149].

Во-вторых, присутствовало столкновение интересов внутри исполнительной власти: администрация президента США и Государственный департамент придерживались практики осторожных шагов, которые не вызывают острого беспокойства у Пекина [Mann J., 2012], в то время как Министерство обороны выступало за признание Китая угрозой безопасности Соединённых Штатов [5].

В дальнейшем новые стратегии США, принятые правительством Б. Обамы в 2014–2015 гг. [6; 7; 8], отразили резкий рост влияния военных среди ведомств исполнительной власти, а победа Дональда Трампа на президентских выборах 2016 г. привела к тому, что на принятие решений в отношении тихоокеанского пространства больше всего стали влиять военные, сторонники реиндустриализации и возвращения производств из Китая, высокотехнологичные компании, заинтересованные во введении ограничений в отношении восточноазиатских конкурентов, главным образом из КНР.

Вследствие укрепления позиций противников Китая, а также ориентации на экономические группы, которые выражали недовольство китайской торговой практикой, а также характерным для периода неолиберализма выносом производств, политика Д. Трампа стала носить антикитайский характер, который выразился в усилении политического давления на Пекин, в активизации военно-политических отношений в регионе, тарифной войне с КНР, а также выходе США из ТПП, которое было ключевым элементом региональной архитектуры для торгово-экономической политики США.

Эти процессы отразились на стратегии национальной безопасности США 2017 г., в которой впервые была чётко обозначена политика в отношении Индо-Пацифики. Под ней понимался регион, лежащий между западным побережьем Индии и Соединёнными Штатами. Ключевой угрозой для всех стран региона был назван Китай. По мнению Д. Трампа, он угрожал свободной торговле, суверенитету, подрывал региональную стабильность. Для противодействия с КНР важным было обозначено взаимодействие с Японией, Республикой Корея, Австралией, Новой Зеландией, Индией, странами АСЕАН, указывалось на необходимость перестроить отношения с Тайванем и укрепить связи с государствами Океании. Ключевыми сферами сотрудничества с перечисленными странами обозначались международное право, развитие торговли на двусторонней основе, защита суверенитета, укрепление военно-политических союзов, мирное решение конфликтов, развитие инфраструктуры [9].

Курс Д. Трампа имел следующие последствия для индо-тихоокеанской политики США. Во-первых, из-за групп интересов, на которые опирался 45-й президент, политика окончательно стала китаецентричной. Во-вторых, выход США из соглашения о ТПП лишил Вашингтон возможности опираться на многосторонние форматы, связанные с экономикой и касавшиеся множества связанных сфер и проблем развития. Сохранившийся кластер двусторонних торговых соглашений не позволял Соединённым Штатам проводить относительно широ-

кую, но при этом «стандартизированную» экономическую политику в регионе. В-третьих, другим следствием выхода США из ТПП стало то, что единственной функциональной сферой, где они сохранили разветвлённые контакты в рамках двусторонних и многосторонних соглашений и взаимодействий, осталась военно-политическая, опирающаяся на архитектуру, которая, главным образом, сохранилась со времён холодной войны. Это указывает, что к началу 2021 г. индо-тихоокеанская политика Соединённых Штатов оказалась в состоянии кризиса, и требовалось адаптировать её к реалиям нового мира.

В то же время наследие Д. Трампа далеко не единственная проблема, с которой столкнулся Дж. Байден, разрабатывая собственный индо-тихоокеанский курс. Большое влияние на современную индо-тихоокеанскую стратегию США оказали не только внутренние, но и внешние факторы.

Исходным пунктом мировой трансформации стало окончание советско-американского противостояния, которое способствовало усилению экономических начал в регулировании международных отношений и ослаблению присутствия сверхдержав в регионе. Как следствие, в регионе создались условия, близкие к вакууму, что способствовало стремлению ряда региональных держав заполнить освободившиеся географические и функциональные ниши.

Наибольшую активность с середины 1990-х – начала 2000-х годов на этом направлении проявляют следующие страны. Япония предпринимает систематические шаги по построению сетевой архитектуры отношений посредством собственных проектов – Всеобъемлющего прогрессивного Транстихоокеанского партнёрства (ВП ТПП), Афроазиатского коридора развития (ААКР), Токийской международной конференции по развитию Африки (ТИКАД), а также путём участия в других объединениях, например, Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП). С середины 2010-х годов Индия активно реализует свою индо-тихоокеанскую стратегию, которая основана на сетевом видении отношений между странами региона [1]. Республика Корея приступила к реализации Новой южной политики с целью повысить свою стратегическую автономию и выйти за пределы связей с группой традиционных партнёров [10; 11]. Китай реализует Инициативу пояса и пути, которая, в числе прочих факторов, привела к тому, что он стал восприниматься американской политической элитой первостепенной угрозой. Великобритания после выхода из Евросоюза рассматривает взаимодействие со странами региона как один из путей к обретению вновь статуса глобальной державы. Франция и ЕС делают ставку не только на экономическое, но и военное и военно-техническое сотрудничество с индо-тихоокеанскими странами [2].

Фактически, четыре из шести перечисленных стран являются американскими союзниками, которые предприняли шаги по независимому строительству архитектуры без участия ключевого представителя коллективного Запада. Ещё

одна страна, Индия, являющаяся партнёром по «четвёрке» (США, Австралия, Япония, Индия), проводит самостоятельную политику.

Для разработки курса немаловажным было и то, что к 2021 г. произошло усиление антикитайских взглядов в высших политических кругах Вашингтона. Если в 2017 г. Китай воспринимался угрозой Соединённым Штатам, прежде всего, в контексте реалий Индо-Пацифики, то спустя четыре года он рассматривался, в первую очередь, в качестве самостоятельной силы, угрожающей, противостоящей Соединённым Штатам в мировом масштабе, способной участвовать в соревновании с ними почти как равная держава [12].

Таким образом, к началу 2020-х годов США оказались в стратегически сложной ситуации в ИТР. *Во-первых*, подъём Китая достиг тех пределов, при которых в Вашингтоне склонны его рассматривать если не как противостоящий полюс мировой системы, то, по крайней мере, как сильного соперника, способного стать таковым в ближайшей перспективе. *Во-вторых*, американские союзники и партнёры чётко продемонстрировали свои претензии на стратегическую автономию от Соединённых Штатов. *В-третьих*, внерегиональные союзники стали позиционировать себя державами, относящимися к ИТР.

ИНДО-ПАЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Для подтверждения статусов мирового и западного лидера на индо-тихоокеанском пространстве сложившееся положение побуждало США достигать следующие задачи:

- сдерживать дальнейший подъём Китая и его влияние на международные отношения, воспринимая его в качестве противоположного полюса;
- ограничить стратегические амбиции союзников в регионе;
- сохранить и укрепить поддержку партнёров, не входящих в военно-политические союзы;
- выступить с инициативами объединений, которые позволили бы США быть глубже интегрированными в региональную архитектуру, диверсифицировать каналы вовлечения, а не полагаться исключительно на военно-политические союзы и двусторонние отношения.

Ввиду существенной, невыгодной американским интересам региональной трансформации, необходимости исправить последствия трамповского крена региональной политики, стремления подтвердить лидерские позиции администрация Дж. Байдена оказалась в непростой ситуации. Ниже проанализируем, как она подходит к решению региональных проблем с позиций стратегического планирования.

Как свидетельствует текст промежуточного обзора национальной безопасности [12], директивы «Об обновлении системы СНБ» [13] и отдельные формулировки региональных стратегий [3; 14], на планирование курса в отношении ИТР влияние оказывает следующая дихотомия процессов. С одной стороны, в насто-

ящее время сложился двухпартийный антикитайский консенсус, что облегчает принятие решений. С другой стороны, администрация Дж. Байдена сохранила достаточно пространства для формальной и неформальной борьбы между группами интересов. Сложная по проблемной структуре внешняя политика сделала необходимым привлечь к её разработке большое количество руководителей исполнительных ведомств и их заместителей. Процесс взаимодействия между ними курирует советник президента США по национальной безопасности. Такая конфигурация процесса свидетельствует о следующих тенденциях. Первое, возросла роль внешнеполитических проблем, которые вследствие повестки и сфер ответственности органов федеральной власти приобретают межведомственный характер, сопряжённый с формированием временных формальных групп для решения конкретного вопроса. Второе, повысилась роль советника по национальной безопасности как координатора принимаемых решений; соответственно, он превращается в ключевую мишень лоббирования. Это подводит нас к третьему аспекту. С учётом описанных М. Халперином и П. Клэпп [Halperin M., Clapp P., 2006] неформальных стратегий лоббирования, наибольших успехов на этом поприще добьются бюрократические и политические группы, способные установить доверительные контакты с аппаратом советника по национальной безопасности, которые возглавят анализ той или иной проблемы внешней политики и смогут эффективно внедрять информацию в сознание вовлечённых чиновников.

Последнее открывает пространство для лоббирования со стороны ряда внешних групп интересов. Как свидетельствуют тексты стратегий, наибольшего успеха здесь добились технологические компании, отрасль энергетического машиностроения, горные корпорации, Голливуд, африканская диаспора. Как следствие, в числе приоритетных вопросов окажутся производство полупроводников, средств связи и микроэлектроники, производство и сбыт продукции приборо- и машиностроения, связанного с экологической повесткой, получение прав на разработку наиболее важных месторождений американскими компаниями, продвижение американской культуры, стиля и образа жизни с целью сформировать благоприятный имидж Соединённых Штатов Америки в широких кругах населения.

Наконец, в текстах сделан реверанс в отношении сексуальных меньшинств, что указывает на сугубо внутренние проблемы обеспечения партийного единства и сохранения поддержки со стороны партийного электората, сформировавшегося в ходе обращения к радикальному наследию У. Клинтона.

Таким образом, во влиянии на индо-тихоокеанскую политику будут доминировать политические группы, вторыми по значимости будут экономические, третьими – культурные и национальные, четвёртыми – внутрипартийные группы.

В целом, данное положение указывает, что для индо-тихоокеанской политики США будут характерны постоянная изменчивость, зависимость от конъюнктурных политических интересов, что пока не устраняет ключевые проблемы прошлых индо-тихоокеанских стратегий Соединённых Штатов. Как следствие, в числе негативных факторов останется то, что в Вашингтоне видят Индо-Пацифику исключительно с политических позиций, игнорируя естественные географические границы региона. Вследствие этого, как зафиксировано в стратегии национальной безопасности 2022 г., он будет искусственно разделён на Индо-Пацифику, лежащую к востоку от Индостана, северо-запад Индийского океана (СЗИО) и Африку [15]. Это указывает, что важнейшая цель регионального курса Дж. Байдена – не допустить формирования единого региона, основанного на объективных факторах и, соответственно, воспрепятствовать возникновению устойчивых межгосударственных объединений и многосторонних форматов, запущенных по инициативе государств ИТР, в их собственных интересах.

ИНДО-ПАЦИФИКА В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ США

Общая логика внешнеполитического мышления администрации Дж. Байдена делает необходимым обратиться к геополитике и истории американского стратегического планирования. При всех оговорках описанное выше стратегическое положение Соединённых Штатов, как оно воспринимается их правительством, приближает современный мир к 1980-м годам, наиболее близкому по времени периоду двустороннего противостояния с американским участием, с той лишь разницей, что центр противостояния из Европы переносится в прежде периферийную Индо-Пацифику, Европа становится периферией, а место СССР занимает Китай.

Исследуем опыт 1980-х годов, чтобы проанализировать процесс, как возникает картина регионализации, разрабатываемая в процессе американского внешнеполитического планирования.

В целом, над региональными и функциональными направлениями внешней политики довлела достаточно краткая, если не тезисная в сравнении с поздними образцами, стратегия национальной безопасности [16], а с учётом её положений формулировалось содержание конкретных директив.

Европе, бывшей центром политического противостояния, соответствовало следующее субрегиональное деление. В представлениях американского правительства она делилась на четыре субрегиона: СССР, страны НАТО, страны ОВД, социалистические государства, независимые от советского политического влияния, которые подразделялись на Югославию, к которой у США был интерес, и Албанию, которая не входила в сферу американских интересов. В отношении каждой из этих групп (стран) принимались стратегии, согласовавшиеся со стратегией национальной безопасности [17]; [18]; [19].

ИТР в тот период представлял собой совокупность АТР и Индо-океанского региона (ИОР). В первом преобладал кейсово-страновой подход к планированию, во втором – регионально-проблемный. При этом ИОР было посвящено только три директивы [20]; [21]; [22], в то время как АТР – одиннадцать [22]; [23]; [24]; [25]; [26]; [27]; [28]; [29]; [30]; [31]; [32].

Безусловно, опыт издания обширных стратегий национальной безопасности с 1990 г. оставляет существенный отпечаток на стратегическом планировании администрации Дж. Байдена. Тем не менее последовательность, при которой вслед за промежуточным обзором издаются сначала региональные стратегии и лишь потом национальная, указывает на адаптацию постбиполярного опыта к модели планирования, существовавшей в период советско-американского противостояния.

В промежуточном обзоре 2021 г. в целом определены сферы партнёрства с близкими по духу странами: экономика, транспорт, технологии, киберпространство, правовые и гражданско-гуманитарные вопросы, оборона. Они выступают ориентиром для наполнения региональных стратегий.

Остановимся на них подробнее. Первая такая стратегия посвящена ИТР [3]. Под Индо-Пацификой понимается индо-тихоокеанское пространство к востоку от Индостана, за исключением акваторий, лежащих к востоку от Океании, прилегающих к Латинской Америке и России.

Ключевой особенностью самой стратегии является структура текста. Он состоит из введения, основной части, а также плана действий, разделённого на страновые и проблемные блоки.

Основная часть позволяет конкретизировать географическую структуру региона, какой она видится из Вашингтона. ИТР в американском понимании делится на восемь частично пересекающихся страновых элементов: Китай, который воспринимается вызовом для региона и страной, стремящейся стать самой влиятельной державой, КНДР, от которой исходит ядерная угроза, союзники и партнёры, из числа которых перечислены участники «четвёрки», Тайвань, АУКУС, страны Евросоюза и НАТО; к числу важных партнёров в регионе также отнесены страны АСЕАН и Тихоокеанские острова.

План действий указывает на то, какие страны и проблемы уже находятся в центре американского планирования или окажутся там в ближайшее время. К числу наиболее значимых стран в планировании относят следующие: страны АСЕАН, Индию, членов «четвёрки», Японию и Южную Корею, Тихоокеанские острова. Из наиболее значимых проблем названы:

– создание Индо-Тихоокеанской экономической основы для процветания (ИТЭОП), нового экономического объединения, которое касается цифровой экономики, торговли, цепочек поставок, технологий [33];

– перенос в регион дополнительных ресурсов, которые будут сконцентрированы на оказании консультативных услуг, укреплении морского присутствия

- сдерживание противника, при особом внимании морской составляющей, для чего администрация Дж. Байдена реализует программы по модернизации вооружённых сил, повышению их мобильности и укреплению взаимодействия с союзниками [34], а также будет развивать сотрудничество с членами АУКУС и Тайванем;

- поддержка «хорошего правления», под которой понимается укрепление либерально-демократических порядков в регионе, осуществляемое с помощью ширококомасштабных информационных кампаний при участии журналистов и общественных организаций с целью сформировать благоприятный имидж либеральному порядку и США, а негативный – для противных сторон;

- развитие технологий и цифровой архитектуры мира.

Структура стратегических приоритетов и план действий позволяют выявить наиболее важных для США партнёров в регионе. Из их числа не просто ключевым, а даже якорным союзником выступает Австралия, вовлечённая в пять форматов взаимодействия с Соединёнными Штатами, следующими по значимости идут Япония и Индия, за ними – страны АСЕАН, Великобритания, Республика Корея и Тайвань, периферией ИТР обозначены страны ЕС и НАТО, за исключением Великобритании (табл.).

Таблица

Форматы и векторы взаимодействия США со странами ИТР

Формат / вектор	Страны - партнёры США
АУКУС	Австралия, Великобритания
«Четвёрка»	Австралия, Япония, Индия
Военно-политические союзы периода холодной войны	Австралия, Япония, Республика Корея, Таиланд, Филиппины, Великобритания, НАТО
ИТЭОП	Австралия, Япония, Республика Корея, Индия, Новая Зеландия, Фиджи, Бруней, Малайзия, Вьетнам, Индонезия, Таиланд, Сингапур, Филиппины
<i>I2U2</i>	Индия, ОАЭ, Израиль
США - АСЕАН	Страны АСЕАН
США - юг Тихого океана	Австралия, Новая Зеландия, Фиджи, «свободно ассоциированные» с США государства, прочие государства Океании
США - Тайвань	Тайвань

Составлено автором по: [3]; [35].

Вторая региональная стратегия, хотя она не сформирована в виде самостоятельного документа, касается СЗИО и находится в процессе наполнения. Здесь США опираются на формат *I2U2*. Пока участники сконцентрированы на реше-

нии вопросов продовольственной безопасности и чистой энергетики, однако в Вашингтоне выражают намерение развить в его рамках цифровую, технологическую, транспортную и морскую кооперацию [35].

Эта перспектива региональной стратегии подтверждается стратегией национальной безопасности, где приоритеты расставлены конкретнее. Доминировать будут военно-политические аспекты по обеспечению порядка, основанного на правилах, и безопасности морских путей, снижению напряжённости в регионе Ближнего Востока. За ними следуют настраивание сетей военного, экономического и политического взаимодействия между союзниками США и продвижение прав человека [15]. Это указывает на то, что формат *I2U2* рассматривается в Вашингтоне как элемент укрепления сети экономических и технологических партнёрств союзников с целью последующего продвижения американских политических интересов в регионе.

Формально взаимодействие не направлено на чьё-либо сдерживание, однако не стоит забывать, что страны этого региона заинтересованы в участии в китайской Инициативе пояса и пути, что этот регион является областью наибольшей военно-морской активности Великобритании в ИТР [36].

Отсутствие региональной стратегии как документа, продолжающееся наполнение стратегических планов указывают на то, что в отличие от ИТР в СЗИО США делают ставку на длительную игру с целью замкнуть на себе важнейшие связи стран региона и ослабить самостоятельность как оппонентов, так и союзников.

Наконец, Африке как западному флангу Индо-Пацифики посвящена отдельная стратегия США [14]. Её отличительными особенностями являются отсутствие подробного регионального деления, отказ от фиксации объективно сложившихся субрегионов, одновременное применение кейсово-странового, проблемно-географического и общерегионального подходов. Основной акцент сделан на экономическом, культурном и гражданско-гуманитарном взаимодействии со странами континента как форме противодействия Китаю и России. Каждому из перечисленных направлений соответствуют инвестиции в зелёную энергетику и приход американских горных компаний, пропаганда американского стиля жизни с помощью кинематографа и культурных фестивалей, оказание гуманитарной помощи и защита прав сексуальных меньшинств. Перечисленные характеристики свидетельствуют, что Африка воспринимается Вашингтоном не просто периферийной частью Индо-Пацифики, а отдельным регионом, где ещё предстоит наладить сеть контактов и каналов для распространения американского влияния. Признание в правительстве необходимости включиться в борьбу за Африку и её ресурсы наравне с другими державами указывает на то, что она воспринимается пространством конкуренции между заинтересованными сторонами. Этим США стремятся искусственно вывести восточную часть континента из

Индо-Пацифики, сформировав ещё одну линию раскола в естественном ландшафте формирующегося региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, планирование стратегий в отношении Индо-Пацифики, как объективно существующего региона, свидетельствует, что США преследуют в регионе, прежде всего, политические цели, в чём курс Дж. Байдена является эволюционным продолжением курса Д. Трампа.

Во-первых, он нацелен на искусственную фрагментацию формирующегося естественным образом пространства в соответствии с американскими политическими, экономическими и иными интересами. Этого Вашингтон планирует достичь с помощью сформированных для каждого из субрегионов специфических кластеров отношений, локализованных в ограниченном числе многосторонних (или двусторонних) форматов, завязанных на США. При этом СЗИО отводится роль разрывающего звена, чтобы снизить уровень взаимодействия Восточной Африки и восточной части ИТР. Эта искусственная роль противопоставляется естественной роли связующего звена.

Во-вторых, Вашингтон стремится сформировать четырёхзвенную структуру: центр (ИТР в понимании США), полупериферия (СЗИО), периферия (индо-океанская Африка) и внерегиональная периферия (страны ЕС и НАТО) и тем самым пресечь попытки автономии и конкуренции со стороны других стран Запада, обеспечить для себя доминирующие позиции в этой группе.

В-третьих, американская политика предполагает сдерживание, как через оппонирование, так и через вовлечение. В первом случае политика будет направлена против Китая как наиболее сильного оппонента, фактически претендующего на роль полюса в мировой системе, а также на противодействие меньшим угрозам регионального и локального характера, исходящим от России и КНДР. Во втором случае курс будет ориентирован на союзников и партнёров США с целью ограничить их стратегическую автономию, предотвратить с их стороны попытки построить самостоятельную сеть связей в ИТР без американского участия.

В-четвёртых, конечной целью этого курса является построение архитектуры в виде сети партнёрств, замкнутых на США и охватывающих ряд ключевых сфер современного развития.

ИСТОЧНИКИ

1. India's National Security Strategy. March 2019. Available at: https://manifesto.inc.in/pdf/national_security_strategy_gen_hooda.pdf (accessed 23.09.2021)

2. Joint Communication to the European Parliament and the Council. The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific. 16.9.2021. Available at:

https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf (accessed 24.09.2021)

3. Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 06.04.2022)

4. Campbell K. 2016. The Pivot. The Future of American Statecraft in Asia. New York – Boston: Twelve. 399 p.

5. E-mail from Sullivan, Jacob J. <SullivanJJ@state.gov> to H[illary R. Clinton]. Subject: Sec[retary of] Def[ense Leon] Panetta calls India, China ‘threats’. Sent: Thursday, November 17, 2011, 6:29 PM. Available at: https://foia.state.gov/search/results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (accessed 06.01.2017).

6. National Security Strategy. February 2015. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (accessed 04.09.2016).

7. The National Military Strategy of the United States of America. 2015. The United States Military’s Contribution to National Security. June 2015. Available at: http://www.jcs.mil/portals/36/documents/publications/2015_national_military_strategy.pdf (accessed 04.09.2016).

8. The National Intelligence Strategy of the United States of America. Available at: https://www.ncirc.gov/documents/public/2014_NIS_Publication.pdf (accessed 04.09.2016).

9. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. Available at: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf> (accessed 28.12.2017).

10. Choe Won Gi. “New Sothern Policy”. Korea’s Newfound Ambition in Search of Strategic Autonomy. January 2021. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/choe_new_southern_policy_korea_2021.pdf (accessed 08.09.2022).

11. Kwak Sun Gil. Korea’s New Southern Policy: Vision and Challenges. Available at: https://think-asia.org/bitstream/handle/11540/9407/KIEPOpinions_no146.pdf?sequence=1 (accessed 08.09.2022).

12. Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance/> (accessed 04.03.2021).

13. National Security Memorandum / NSM-2. Subject: Renewing the National Security Council System. February 4, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/02/04/memorandum-on-renewing-the-national-security-council-system/> (accessed 29.08.2022)

14. U.S. Strategy toward Sub-Saharan Africa. August 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/2022/08/U.S.-Strategy-Toward-Sub-Saharan-Africa-FINAL.pdf> (accessed 20.08.2022).

15. National Security Strategy. October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 01.11.2022).

16. National Security Decision Directive Number 32. National Security Strategy. May 20, 1982. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-32.pdf> (accessed 29.08.2022).

17. National Security Decision Directive Number 54. United States Policy Toward Eastern Europe. September 2, 1982. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-54.pdf> (accessed 29.08.2022).

18. National Security Decision Directive Number 75. US Relations with the USSR. January 17, 1983. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-75.pdf> (accessed 29.08.2022).

19. National Security Decision Directive Number 133. United States Policy toward Yugoslavia. March 14, 1984. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-133.htm> (accessed 29.08.2022).

20. National Security Decision Directive Number 57. United States Policy Toward the Horn of Africa. September 17, 1982. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-57.pdf> (accessed 29.08.2022).

21. National Security Decision Directive Number 208. United States Policy toward the Southwest Indian Ocean. January 30, 1986. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-208.pdf> (accessed 29.08.2022).

22. National Security Decision Directive Number 229. U.S. / Australian Relations. May 29, 1986. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-229.htm> (accessed 29.08.2022).

23. National Security Decision Directive Number 62. National Security Decision Directive on United States - Japan Relations. October 25, 1982. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-62.pdf> (accessed 29.08.2022).

24. National Security Decision Directive Number 74. Visit to the United States of Prime Minister Nakasone. January 17, 1983. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-74.pdf> (accessed 29.08.2022).

25. National Security Decision Directive Number 76. Peaceful Nuclear Cooperation with China. January 18, 1983. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-76.pdf> (accessed 29.08.2022).

26. National Security Decision Directive Number 120. Visit to the United States of Premier Zhao Ziyang. January 9, 1984. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-120.htm> (accessed 29.08.2022).

27. National Security Decision Directive Number 140. President's Visit to the People's Republic of China. April 21, 1984. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-140.pdf> (accessed 29.08.2022).

28. National Security Decision Directive Number 154. US – Japan Trade Policy Relations. December 31, 1984. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-154.pdf> (accessed 29.08.2022).

29. National Security Decision Directive Number 158. US Policy in Southeast Asia (The Kampuchea Problem). January 4, 1985. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-158.htm> (accessed 29.08.2022).

30. National Security Decision Directive Number 163. United States Policy Toward the Philippines. February 20, 1985. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-163.pdf> (accessed 29.08.2022).

31. National Security Decision Directive Number 193. US Policy on New Zealand Port Access Issue. October 21, 1985. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-193.htm> (accessed 29.08.2022).

32. National Security Decision Directive Number 215. Philippines. February 23, 1986. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-215.pdf> (accessed 29.08.2022).

33. Statement on Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. May 23, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/statement-on-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity> (accessed 02.06.2022).

34. Pacific Deterrence Initiative. Department of Defense Budget. Fiscal Year (FY) 2022. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). May 2021. Available at: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2022/fy2022_Pacific_Defense_Initiative.pdf (accessed 25.09.2022).

35. Joint Statement of the Leaders of India, Israel, United Arab Emirates, and the United States (I2U2). July 14, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/07/14/joint-statement-of-the-leaders-of-india-israel-united-arab-emirates-and-the-united-states-i2u2/> (accessed 21.08.2022).

36. Maritime Strategy and its contribution to the Indo-Pacific and Global Commons. 14 March 2019. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/maritime-strategy-and-its-contribution-to-the-indo-pacific-and-global-commons> (accessed 20.10.2021).

REFERENCES

Banerjee S. 2020. US Retrenchment on Stability of the Gulf Region. *Journal of Asian Economic Integration*. Vol. 2. No. 2. P. 221-239. DOI: 10.1177/2631684620940478

Friedman J.A. 2022. Is US grand strategy dead? The political foundations of deep engagement after Donald Trump. *International Affairs*. Vol. 98. No. 4. P. 1289-1305. DOI: 10.1093/ia/iia112

Halperin M., Clapp P. 2006. *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington D.C.: The Brookings Institution. 400 p.

Mann J. 2012. *The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power*. New York: Penguin Books. 392 p.

Nye J.S., Jr. 2022. How no to deal with a rising China: A US perspective. *International Affairs*. Vol. 98. No. 5. P. 1635-1651. DOI: 10.1093/ia/iiacl17

Vijayalakshmi K.P. 2018. India – U.S. Strategic Partnership: Shifting American Perspectives on Engaging India. *International Studies*. Vol. 54. No. 1-4. P. 42-61. DOI: 10.1177/0020881718791403

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОЛДЫРЕВ Виталий Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук. РФ, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89.

Vitalii E. BOLDYREV, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences. 89, Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 6.01.2023.

Поступила после рецензирования / Revised 18.01.2023.

Статья принята к публикации / Accepted 19.01.2023.